

Ефим Ярошевский

Про Даниила Марковича Шаца... про Даню

...Мы любили тогда, в относительной нашей юности, повторять строчку из Эдуарда Багрицкого: «...Итак, бумаге терпеть невмочь, ей надобны чудеса!».

Легко сказать, чудеса!..

Но когда у Дани в руках оказывалась новая книга, он очень быстро ее осматривал, обнюхивал, перелистывал «по диагонали»... и почти сразу распознавал, что чуда *не* предвидится. Если в книге нет чуда *слова*, тогда зачем она? И читать дальше было глубоко неинтересно...

Либо наоборот – сразу понимал, что перед ним добротная проза или талантливые стихи.

Он знал толк в литературе и хотел, и жаждал, просто требовал от автора качества!

И потому показывать ему что-либо из свеженанписанного, но недостаточно завершенного, было опасно...

У него было хорошее чутье на хорошие книги, на талантливей, а равно и на бездарный текст.

Но об этом позже.

.....Когда именно и где мы познакомились с Даней, я уже не помню.

Такой ощущение, что он был в Одессе *всегда*. Жил в ней и я. Тоже всегда. И еще много моих друзей и знакомых в ней живут и всегда жили, и будут.....

...А на Пушкинской, № 56, на втором этаже вполне красивого дома жил Даня Шац. И мы приходили к нему. Еще тогда, в 60-е. Когда достать хорошую книгу было почти невозможно. А у него

эти книги были, вполне редкие, и для многих – пока недоступные. Но приходили мы не читать, а разговаривать.

У него были книги почти «недостижимых» тогда поэтов. На полочках стояли стихи – Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака... И даже – Осипа Мандельштама – великого русского поэта и еврея, убиенного советского зека...

Драгоценные книги в его шкафу мерцали как бы старинным золотом зеленых и синих корешков. Ему привозили книги из Москвы вполне надежные друзья. Иные он «доставал» на Староконном рынке в Одессе – и, видимо, по большому благу... Отказывая себе во многом. Ибо книги эти были не дешевы.

...Но это было уже чуть позже. А пока – дружили тогда на ветру – три достаточно молодых человека: Даня Шац, начинающий, очень инициативный и многообещающий, но не достигший еще заветных лавров скромный режиссер при парке Победы...

Будущий замечательный русский и украинский поэт Боря Нечерда, уже тогда пишущий талантливые стихи на русском, а потом уже – на украинском языке...

И молодой и крепкий, хорошо физически подготовленный инструктор физкультуры и тренер по вольной (или невольной?) борьбе и, кроме того, – начинающий художник и скульптор, а уже потом, много позже – вполне состоявшийся писатель – Вадим Чирков. Пока же он – только Вадик. Этих троих объединяла молодость, несомненная одаренность, нищета... и жажда жизни. Неутолимая жажда еды, любви, славы и хорошего молдавского вина. Сходило порой и плохое!

Еще их объединяли *поиски*. Поиски приключений и работы! Жажда творчества и свободы... То, чем было «обуяно» большинство молодых и далеко не бездарных людей моего поколения.

Я познакомился с каждым из них в разное время. Но сейчас – речь о Дане, о Данииле Шаце. Который пока еще не стал Даниилом Марковичем. Который много позже стал в Одессе человеком известным и вполне легендарным...

Просто Даней Шацем.

Никаких общих слов и «характеристик». Только то, что я действительно помню. Несколько эпизодов. Не соблюдая хронологической последовательности.

.....

...Мы не были «закадычными» друзьями. Но друзьями мы были. Как-то я показал ему несколько своих стихотворений. Они ему понравились. Просил почитать еще... Впрочем, он всегда относился ко мне, скажем так, с интересом. Независимо от стихов. Я к нему тоже. Видимо, возникала взаимная симпатия. Хотя мы и любили друг над другом подтрунивать...

Мне всегда был любопытен его «взгляд на вещи» – взгляд нестандартный, оригинальный и свежий. С ним не бывало скучно. Он с самого начала нашего общения – был умен и непредсказуем. И потом – это обостренное чувство юмора! Это просто счастье, когда в беседе можно было свободно и всласть похохотать... над глупостью и идиотизмом официоза. Да, мы были откровенно непочтительны по отношению к власти.

– Понимаешь, старик, – говорил он, – «они» уже с трудом понимают, что происходит. Или делают вид, что не понимают. Но лгут они *всегда*. «Они» уже не могут без этого. Гнилой интеллигенции, то есть нам с тобой, активно не доверяют, всячески подозревая нас в крамоле. И, в сущности, они правы! Но честно спросить боятся. Вдруг мы им все объясним «по-своему»? То есть скажем правду. И что тогда?

Но при этом Даня как-то ухитрялся работать в официальных учреждениях, работать с «ними», служить в системе культуры, «отвечая», как тогда говорили, за идеологию и эстетику... Заниматься и даже «отвечать» за Юморину... а уж за «Конкурс красоты» – и подавно! Ну и т. д.

Но так жил не только он. Так жила вся (или почти вся) советская интеллигенция.

Но он вряд ли подозревал, как трудно ухитриться внушать ученикам «крамолу», работая в школе учителем (как это делал я) – преподавателем языка и литературы в советской – и вполне средней – школе. И мне все же удавалось говорить детям то, что я хотел. Хотя... далеко не всё и далеко не всегда.

.....

...Помню почти витуку, давно потерявшую непорочную белизну, местами уже разрушенную временем и хорошо освоенную котами... мраморную лестницу, ведущую к его старинной коммунальной

квартире на втором этаже, где он жил с мамой и младшим братом. И клавиатуру кнопок (звонков). Мама Дани поила нас чаем и тут же убежала на работу. За окнами шел дождь... Кажется, был уже ноябрь. На улице было довольно мерзко. Уютно устроившись в кресле и усадив меня (с чаем и с лимоном), Даня, отчаянно грасируя и наслаждаясь текстом, читал вслух стихи:

«Давай ронять слова /пауза.../,
как сад, янтарь и Cedру,/ /
размеренно и щедро,/ /
едва,
едва,
едва...»

– Ну как? – с восхищением спрашивал он меня...

Тут раздается телефонный звонок... И хозяин, извинившись, долго беседует с явно заинтересовавшей его знакомой девушкой...

Пастернак и гость были на время забыты.

...Конечно же, Даня не был соткан сплошь из добродетелей. Были у него и слабости, и промахи, и неверные шаги, и, наверное, срывы... Но юмор, но сочувствие, если у тебя беда, и подчеркнутое хладнокровие в решении «проблем» – он умел продемонстрировать как никто.

Конечно, мы своих друзей, как правило, идеализируем и романтизируем. И тут уже ничего не поделаешь. И слава Богу! Это только нормально. И я рад, что говорить о нем хорошо мне легко и приятно.

Несколько эпизодов. И только то, что помню...

.....Как-то встретились мы на Пушкинской, настроение у меня было скверным – что-то не заладилось дома или на работе... уже не помню. Я куда-то безнадежно шел, видимо, после изнурительного школьного дня. Он внимательно на меня посмотрел и огорченно спросил: «Старик, чем это ты так удручен? Ты мне не нравишься. У тебя сегодня какой-то затравленный вид... Так нельзя! Оглянись: сколько замечательных девушек (порой он произносил – «телок»...) гуляет, движется и глубоко дышит (!) при этом – вокруг нас и рядом!.. Они с удовольствием показали бы нам всё

(или почти все), чем так щедро наградила их одесская мама, а заодно уже и мать-природа. Но ты их сегодня не видишь – в упор. На тебя это не похоже! Извини, но с твоей фактурой – я бы...

(И тут звучал своеобразный монолог о том, что было бы, если бы... и так далее.)

...Он работал тогда, кажется, в ОМК. И еще где-то. Но где – не сказал...

Порой приглашал меня на некие мероприятия, где бывало много красивых людей и женщин – и где он, конечно же, был главным (!) режиссером – городского фестиваля «Мисс Одесса»... или прочих очередных конкурсов красоты...

Но не это было главным...

Главным было другое – шарм, обаяние, веселость, оптимизм, юмор, непредсказуемость, свобода. Главным был праздник – праздник общения!

...Помню, где-то в 60-х, кажется, Даня с восхищением читал мне (на хорошем украинском!) стихи еще молодого тогда Виталия Коротича, посвященные известному турецкому поэту Назыму Хикмету, возвращавшемуся из изгнания на родину: «Тремти, Туреччино, він вирушив до тебе!»...

Даня любил энергичный, яркий, образный поэтический язык этих стихов. Особенно выразительно эти строчки звучали у него, если учесть, как отчаянно он грассировал!

«Т’емти, Ту’еччино, він ви’ушив до тебе!».....

Однажды он познакомил меня со стихами Игоря Шкляревского, поэта, как оказалось, совершенно замечательного! Прочел мне всего одно его стихотворение, где речь шла сиротах-детдомовцах эпохи войны... Особенно вот это место: «Там реют сироты сорок второго года, там, в тучах (в небе) хор детдомовцев поет!». Потом я это стихотворение нашел в сборнике, оно прошибало до слез. Шкляревский оказался чрезвычайно близким мне поэтом. Даня, оказывается, был романтиком и даже идеалистом?!.....

...Как-то Даня долго и испытующе смотрел в своей одесской квартире на книжные полки, плотно уставленные хорошими, добротными книгами – мировой и современной классикой... А потом сказал: «Ну вот, прикинь – какое огромное количество вполне замечательных книг написано человечеством, да? Ну, будет *еще*

одна книга... ну и что? Ну, будет она, будет... но зачем она? При таком-то обилии книг в мире...». Фраза показалась мне не совсем серьезной, даже циничной. Речь, кажется, шла тогда о моей (!) новой книге... а также о той книге, которую собирался написать он, Даня Шац. Собирался давно. Я уверен, что книга могла бы быть вполне замечательной! И я сказал ему об этом. Но он ее не написал... Конечно, он был неправ тогда. Но сказал он это как-то уж очень искренне... очень задумчиво – и как бы про себя. Для себя.

...Но когда я подарил ему первое, скромное, но зато американское (!), издание моего «Провинциального роман-са», изданное в Нью-Йорке моим другом Эдвигом Арзуняном, и мы расстались на улице – а спустя неделю мы встретились, и он очень серьезно, без привычной усмешки, даже несколько удивленно и грустно, тихо сказал мне, крепко держа меня за пуговицу пальто: «Ты написал хорошую книгу, старик...».

«Очень хорошую книгу, – повторил он, внимательно и пытли-во глядя мне в глаза. – Как это тебе удалось? При нашем общем распиздяйстве...»

...Именно так было сказано.

Когда я несколько лет назад прочел ему свое стихотворение «Об охоте и о народе», где были строчки:

«Когда зазимует январь / в холодном зачумленном парке, /
и звери в пустом зоопарке /
проснутся и крикнут: «Январь!» / – обрушится снежный сло-
варь, / охотник подымет винтарь, /
прицелится в божью тварь / и выстрелит... мимо в запарке, /
и тихо заплачет в винарке /

соседней страны государь...» / (ну и так далее.) – ... он сказал:

«Вот видишь, именно там, где мне с трудом что-то понятно... или скорее – абсолютно непонятно, но, по сути, именно там – на-стоящая поэзия! Хотя бы вот эта строчка: «обрушится снежный словарь...»?!! Какой-то абсурд, да? И вместе с тем здесь – очевид-нейшая поэзия!»

Конечно же, мне это было близко – и нравилось.

...А однажды он очень уверенно и почти на ходу заменил в моем стихотворении одно достаточно бесцветное и случайное причастие «довольными» – куда более сильным и уместным (мо-

жет быть, единственным!) словом: «И сотни проснувшихся Дракул / накормлены будут вполне» / ...

...совсем другое дело!

С этой Даниной правкой и вошло стихотворение «Стансы времени» в мою большую книгу «Холодный ветер Юга»...

...И все же я почему-то был уверен, что он собрал немало материала уже для своей (грядущей) книги... кое-что мне показывал, даже зачитывал! И все было очень, очень неплохо. Даже хорошо. Но книгу написать не успел. Или не сумел.

Или не захотел... а жаль!

.....У двери его квартиры, на ...?... улице обычно меня (и нас) встречал огромный рыжий кот – Макс, прекрасное могучее и вальяжное животное, почти человек, личность!.. Его можно было даже погладить. Даня и Наташа иногда позволяли это делать. Зимой этот Макс мог легко согреть озябшего человека... Пообщаться с человеком и даже внимательно выслушать его проблемы! И мне даже кажется, что он мог бы дать «дельный совет»... И никто бы не удивился. Я ловил себя на том, что жадно следил за грациозными передвижениями рыжего Макса по комнате и не всегда вникал в беседу! Грешен. Но кот был изумительно красив... Холеный, обласканный и взлелеянный. Он был прекрасен. К сожалению, он совсем недавно ушел..... (не могу сказать «умер»...)

.....Как-то зашел я к Шацу в гости. Даня угощал меня тогда замечательно приготовленной рыбной ухой (уху готовила жена Наташа, ее тогда не было дома) и хорошим ароматным вином (кажется, массандровским портвейном?) в изящных рюмочках... Сам почти не пил. Потом приготовил славный кофе – и мы долго говорили – обо всем! Вне программы. Это был наш любимый «жанр». «Вне...» Потом смотрели живопись на стенах, недавно приобретенные им книги, слушали музыку... Тогда я еще, кажется, курил. И было нам в тот вечер вполне хорошо!

.....Даня подарил мне тогда понравившуюся мне книгу Александра Гениса – «Довлатов и окрестности», книгу не только о Довлатове, но и о Бродском... А вот книгу Людмилы Штерн, тоже о Бродском, дал только почитать... С непременным возвратом! (недавно обнаружил, что она же до сих пор... у меня) Прости меня, дорогой.....

...Шли мы однажды мимо здания КГБ на знаменитой улице Бебеля (она же – Еврейская!), я тогда почему-то вспомнил Пушкина... и пробормотал вслух: «Пустынный памятник тирана, забвению брошенный дворец...», намекая на то, что, дескать, времена изменились – и с прошлым прочно покончено... и так далее. Даня меня отрезвил:

«Не скажи... – произнес он. – До забвения еще далеко...»

И мы пошли дальше... «Не люблю я этот кварталчик, однако...» – сказал он, поживаясь.

А кто любит?

.....Встретили мы как-то с Таней Шаца на той же Пушкинской ранней холодной весной – он нес в руках внушительную корзину, доверху наполненную маленькими букетиками цветов – мимозы, подснежники, ландыши. Было, кажется, 8 марта... Тут же объяснил, увидев мое и наше изумление: «Это все для женщин. Как ты понимаешь, я должен одарить *всех!*.....» Мы понимали. У меня в руках тоже было несколько букетиков. Но все же – не двадцать, не сорок... как у Данечки.

...Одно время Даня работал «в структурах»... чуть ли не в структурах городской власти. Он и сам порой посмеивался над «значительностью» своей должности. Замечательно рассказал мне однажды о своем вполне деловом знакомстве в Киеве – с Леонидом Макаровичем Кравчуком... Который, кстати, ему тогда понравился. Мне, впрочем, тоже. Слегка пижонил. «Понимаешь, старик, за мной тут должна заехать машина с личным шофером... Но минут 15 у меня для тебя еще есть...»!! Сам потом посмеивался над этой деталью. Кажется, тогда в Одессе был Боделан.

(«Другие – еще хуже!» – говорил мне о нем Даня).....

...Рассказывал мне и о том, что «повадился» ходить по городу... по ночам и в одиночестве. Не боялся. Разумеется, по делу. Осторожно и глухо намекал на какие-то отношения... с бандитами (!!) Шутил, наверное. Все могло быть... Хотя – я знаю, как легко (и элегантно!) Даня мог иногда приврать. Будем на это надеяться.

Однажды рассказал такое.

...12 станция Большого Фонтана, ночь, осень, туман... Даня возвращался из гостей (приносил на читку свой сценарий – одному знакомому киношнику, который жил там). Полный мрак, до-

вольно прохладно – пожалуй, даже холодно. Поздно, после часа ночи. Трамваи уже не ходят... Ветер, обрыв, доносится шум моря...

«И как-то мне неуютно стало... Крайне. Совсем. И холодно. Тут из темноты... возникают и медленно подходят ко мне два штымпа, два бугая... Подходят очень неспешно, вразвалочку. Это меня тогда совсем не ободрило. Один говорит: «Ну шо, гуляем? А чё так поздно? Шо там ты в сумочке прячешь?» (А в почти пустой сумке лежал этот несчастный сценарий и пачка початого овсяного печенья... Всего лишь.) Они осмотрели сумку. – Н-да, не густо... А за спиной – мрак, ночь, море. Шум прибора. И никого... И тут меня просто *обуял* какой-то животный ужас. Что им стоит подтолкнуть человека к воде? С обрыва. Тем более что человек-то – один, а главное – жид! Они сразу это поняли. Это, как ты понимаешь, трудно не понять.

И тут вдруг... на приличной скорости по пустой дороге несется пустое такси. Я буквально срываюсь с места, забираю (!) у них свою почти пустую сумочку – и бросаюсь к дороге! Пытаюсь остановить это случайное такси, почти без надежды. Странно, но машина чуть замедлила ход... как раз около меня. За рулем – женщина! Что-то она, как видно, поняла... (?) Неожиданно тормозит и распаивает дверцу! «Садись! Быстро...» И я сел! Машина рванула – и я, кажется, был тогда спасен... это было счастье!!

Вот такое приключение, старик. Страх, конечно же, был чисто иудейский. Хотя и общечеловеческий тоже...»

...Прошли годы. Была потом какая-то странная и мутная история с пропавшими деньгами (?). Деньги были достаточно большие. Даню явно подставили... Большая сумма, вырученная за продажу квартиры, была просто у Дани... украдена! Даня был удручен страшно. Был явный шок. Он даже серьезно заболел после этого нелепого случая. Одно время совсем расклеился, но очень скоро пришел в себя. Взял себя в руки! «Молодчина...» – подумал я.

Так мне тогда казалось...

.....

...Сейчас вспомнил почему-то другое. Весна, погода великолепная, все разнузданно цветет, все благоухает, небо – вполне голубое, в роскошных облаках, за спиной – Приморский бульвар, море, Пушкин, одесские куранты, гуляющие прохожие... Выхожу из Литературного музея, с двумя спутницами. Кажется, хорошенькими.

На той же Пушкинской шагах в десяти от нас видим неторопливо идущего нам навстречу Шаца. Даня останавливается... и произносит – громко, как бы вопрошая пространство! – разводя руками и широко улыбаясь – следующее: «Ну почему, почему... одним – все, а другим – ничего...?» Что тут ответить?

Но это так в его ключе!

...Потом он неожиданно подал документы на отъезд в Германию, хотя ехать никуда *не хотел*. Но однажды сказал, что это «крайне желательно». И как-то очень быстро они с Наташей получили разрешение. Мы, кстати, с Татьяной ждали... 7 лет. И тоже были удивлены, когда его получили.

Потом... потом я встречал его в Одессе – *еще* чаще, чем раньше, – именно тогда, когда он уже «жил в Германии»... Парадокс! Он не мог без Одессы...

Без города, который его взрастил, который дал ему особый, неповторимый духовный воздух, большое солнце, еще не отравленное море, друзей, возлюбленных – и реальный, и вполне насыщенный хлеб... плюс роскошь общения, без города, которому он отдал душу и сердце, – без этого города он задыхался.

Его легко было понять...

...Возраст как бы не брал Даню. Подтянутый, энергичный, подвижный, всегда четко нацеленный на очередное деловое предприятие. А однажды встречаю его... в синагоге. С молитвенником и в кипе. Это показалось мне несколько странным. Непривычным, во всяком случае. Я бывал там периодически, беседовал с замечательным раввином Шайей Гиссером, с Велвлом Верховским – естественно, о «божественном». В память родителей я посещал синагогу по праздникам. «Надо приходить сюда почаще, – назидательно сказал мне тогда Даня. – Надо ощутить себя евреем. Пора!»

Раввин однажды посмотрел на меня очень внимательно и произнес: «Я вижу, вы колеблетесь, молодой человек?» (Это он мне, которому было уже после шестидесяти!) «Запомните: *Он* (Володя Верховский посмотрел вверх, к потолку)... *Он* этого не любит! Определяйтесь, и как можно скорее!»...

Это было сказано очень убедительно.

.....А потом с Даней произошло то, что произошло. В это невозможно было поверить. Уже будучи серьезно больным, он до-

статочно бодро отвечал по телефону: «Все нормально, старик, все хорошо!..» Тем не менее это случилось. Хотя я в это не поверил. И даже до сих пор... у меня нет в этом четкой уверенности!

(В один из приездов – мы с Таней, вместе с Наташей, были во Франкфурте, на кладбище, у его могилы....) Тоже странно.

.....Однажды осенью шли мы с ним все по той же Пушкинской, город и мостовую заносило мокрой листвой, дул ветер, было не холодно, но довольно зябко. Мы говорили, кажется, о Бродском, о Пелевине, о Пушкине... И вдруг Даня говорит:

«Вот посмотри: как ты думаешь, до конца этой улицы – кто-нибудь из прохожих, из гуляющих граждан и молодых оболтусов, не говоря уже о тёлках, да? и обо всей толпе... *Кто-нибудь* – *хоть один* (из них) – говорит сейчас о поэзии Бродского, о Пушкине? Уверен, что никто. И на соседних улицах тоже... *Никто!* Не только потому что у них у всех иные заботы. А *потому*, что та часть мозга, которая заведует поэзией, у них просто... отсутствует. Поэтому мы с тобой сейчас находимся – где? совершенно верно... именно там! – нет, нет, не в заднице, отнюдь! – а в подавляющем *меньшинстве!*..... и это даже хорошо!»

...Помню, с каким восторгом говорил он (еще тогда, еще давно) о концертах Сомова в филармонии, где впервые для нас зазвучали стихи латиноамериканских поэтов – Лорки, Пабло Неруды, Николаса Гильена! И мы читали с ним, бродя по улицам, вслух и наизусть, эти тексты:

«Зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни...
...качается Куба на карте...»

Прекрасное было время!.....

...Вообще, попытка воскресить далекое от нас время часто бывает... достаточно безнадежной.

Я попробую показать небольшой фрагмент из своего текста, где появляется Даня тех далеких лет. Мы были с ним тогда еще не так прочно знакомы. Но друг друга уже очень отмечали.

Позволю себе небольшой отрывок «из себя»...

«Провинциальный роман-с», часть вторая, гл. 1, «Бар»...

«...В баре собирались художники, актеры ТюЗа, негры, засланные в СССР учиться... Иногда туда забегали за пачкой сигарет поэты из литобъединения (литобъедки) и просто окололитературные девочки – побаловаться кофейком, фисташками, послушать умные речи, подышать элитой.

За отдельный столик усаживались сотрудники «Комсомольской искры»... В кроваво-алой ассирийской бороде иконный Ануфриев коньячок потягивал... Порой туда заглядывали его жены, делая вид, что интересуются поп-артом. Бенимович читал свои стихи Маркеловой. Олег Соколов, близоруко щурясь, молча прихлебывал крепкий кофе, думал о японских вернисажах, гейшах, о теософии – и зорко следил за весной на улице. (Весна начиналась трудно, с гриппом, посмаркиванием... Март застрял в горле апреля.) Потом появлялся Шац.

За каждым столиком находил знакомую женщину. «Привет, лапа», – говорил он, мягко грассируя, неизменно улыбаясь и щерясь, и несомненным шармом обволакивая, почти блондинистый тогда и еще кучерявый, рассказывал о фильмах Хичкока и режиссуре Шарри Кларк. Говорил о том, о чем не знал тогда, кажется, никто... И девушки замирали.

Заходил Биневиц – одолжить двадцать копеек... – Алиготе! – кричал, обаятельно улыбаясь, Изя Гордон и шел с членами Союза издавать (после третьей попытки и долгой борьбы) поэтический сборник... С первобытной тоской смотрел в окно Сыч – красивый, лохматый, печальный...»

.....ну и так далее. Так было.

...Наверное, я мог бы вспоминать бесконечно.

Даня, конечно, был человеком необыкновенно талантливым и разносторонним. Разновекторным. «И чтец, и жнец, на дуде игрец...»

Веселым, азартным, солнечным!

И конечно же, остался знаковой и живой фигурой – для всех его многочисленных друзей в Одессе – и во всем мире...

Знаковой фигурой для Одессы.

Остался надолго.

Может быть, навсегда...

Одесса – Германия